

— До вашего покорного слуги только что дошли вести: адъютант Лю Шоуи из Цзичжоу тайно переметнулся к принцу Яню! — упавшим голосом сообщил Великий наставник Ян Бинжэнь. — Стоит императорскому кораблю причалить к берегу, как вас попытаются взять под стражу!

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

Цзюнь Жухэн так и обомлел.

«Мамочки, я в этом мире всего несколько дней, а уже угодил в самый эпицентр мятежа и заговора!»

Чу Яо, вопреки ожиданиям, даже бровью не повел. Он неторопливо помешивал чайной крышечкой заварку.

— Лю Шоуи? — негромко произнес он. — Какое знакомое имя.

Стоявший рядом Цзян Ли поспешил напомнить:

— Ваше Высочество запомнили: он был советником у покойного принца Ханя. Когда тот попался на контрабанде соли и железа и понес заслуженное наказание, Его Величество из милосердия к покойному брату пощадил его семью и слуг, освободив от плахи. А этот Лю Шоуи, славившийся изящным слогом, позже приглянулся принцу Яню. По его протекции его и определили в цзичжоуский гарнизон.

Крышечка со звонким стуком опустилась на пиалу. На губах Чу Яо заиграла холодная улыбка:

— Сначала принц Ханя, теперь принц Яня... Прекрасно. Кто еще?

Ян Бинжэнь лишь ниже склонил голову, храня молчание.

Чу Яо откинулся на спинку кресла и размеренно, без тени спешки спросил:

— В Цзичжоу крошечный гарнизон. А покушение на наследника престола — это государственная измена, карающаяся смертью. С какой стати паршивому адъютанту Лю пускаться на столь безумный шаг и поднимать руку на Меня?

Ян Бинжэнь поднял голову, его взгляд лучился искренней тревогой:

— Ваше Высочество не знаете всей правды. Стоило только заговорить о поминальном обряде, как принц Янь тайно связался с четырьмя другими удельными князьями и их уцелевшими сторонниками. Под лозунгом Цзиннань они замышляют поход на столицу. Мятеж в Цзичжоу —

лишь увертюра. Им нужно взять вас в заложники, чтобы связать руки Его Величеству и выиграть время для сбора войск.

Цзюнь Жухэн слушал его столь затаив дыхание, что даже забыл про свои пакости. Вспорхнув и отчаянно затрепетав крошечными крылышками, он приземлился прямо на письменный стол.

Цзян Ли хотел было сцапать нахального птенца и выставить прочь, но Чу Яо едва заметным покачиванием головы остановил слугу.

— И что же, по мнению Великого наставника, Мне надлежит предпринять?

Ян Бинжэнь чинно расправил широкие рукава и выпрямился:

— Полагаю, принц Янь решился на удар именно во время вашего паломничества лишь потому, что рядом с вами находится его наследник, Чу Янь. Они планировали действовать сообща, изнутри и снаружи. Раз уж их замысел раскрыт, почему бы нам не нанести упреждающий удар?

— И что предлагает наставник?..

— Арестовать Чу Яня! Это свяжет руки заговорщикам в Цзичжоу. И одновременно с этим отправить спешное донесение Его Величеству, раскрыв изменнические планы принца Яня!

Опираясь о край стола, Чу Яо медленно поднялся. Было видно, что зрение подводит его все сильнее: он даже не заметил драгоценную чашу для омыwania кистей из жуской керамики, стоявшую на самом краю.

Цзюнь Жухэн на мгновение замешкался, а затем легонько ткнул клювом его мизинец, предупреждая об опасности.

Уголок губ Чу Яо едва заметно дрогнул. Сделав вид, что оступился, он прошагал еще несколько неуверенных шагов. У Цзюнь Жухэна сердце ушло в пятки от этого зрелища — ему нестерпимо захотелось принять человеческий облик и за руку увести этого упряма от углов.

— Учитель, — негромко позвал Чу Яо. — Начинать дело без законных на то оснований — величайший грех как для правителя, так и для полководца. Вы сами когда-то учили меня этому. А теперь предлагаете на основании одних лишь слухов клеймить члена императорской семьи изменником... Скажите, когда вы успели стать столь опрометчивы?

Последняя фраза прозвучала как прямое предостережение. На сердце у Ян Бинжэня похолодело. Он резко вскинул голову и посмотрел на Чу Яо.

Наследный принц, которого он вырастил своими руками, стоял перед ним с абсолютно бесстрастным лицом. Черные, словно выведенные тушью виски резко контрастировали с бледностью кожи, делая его и без того холодный взгляд почти ледяным в полумраке теплого кабинета. И умудренный годами придворных интриг старик впервые в жизни почувствовал, как по спине пробежал робкий холодок страха.

— Ваш слуга лишь не желает, чтобы Ваше Высочество подвергали себя опасности, — выдавил он.

— Но принесет ли нам спасение этот поспешный шаг? — спросил Чу Яо. — Почему, по-вашему, отец все эти годы не трогал удел Янь? Неужели наставник действительно ничего не понимает?

Великий наставник не нашел что ответить.

— Отношения между троном и князьями сейчас хрупки как никогда. Нам не нужны лишние потрясения, — Чу Яо взмахнул рукавом. — Цзян Ли, передай приказ: пусть корабль идет на предельной скорости. Мы обязаны прибыть в порт Цзичжоу точно в срок.

Ян Бинжэнь в ужасе воскликнул:

— Ваше Высочество, нельзя!..

— Господин Великий наставник, — улыбка Чу Яо скользнула по его лицу подобно ночному сквозняку, — море страданий безбрежно. Если не сойти на берег сейчас, то сколько еще суждено скитаться по волнам?

После ухода наставника судно продолжило свой стремительный, но ровный бег по воде. В комнате воцарилась гнетущая тишина, в которой отчетливо слышался ритмичный плеск тяжелых весел, взрезающих речную гладь. Чу Яо долго стоял у окна. Солнечные лучи падали ему на спину, очерчивая на полу тонкий, почти невесомый силуэт.

Цзюнь Жухэн тихонько, стараясь не шуршать перьями, пополз к оставленному на столе свитку с докладом Ян Бинжэня.

Этот неожиданный разговор натолкнул его на ценную мысль. Прежний владелец его тела хоть и обладал священной духовной костью, но в искусстве совершенствования был полнейшим профаном. То, что его в прошлый раз не забили плетью до смерти — чистая случайность.

Цзюнь Жухэн прекрасно понимал: в одиночку, да еще и в облике жалкой пичуги, возродить духовный мир ему не под силу. Пытаться убить парочку членов императорского рода Чу — затея бессмысленная, от нее ни горячо ни холодно. Но сейчас династия Инь стояла на пороге

жестокое раскола. Если разыскать слабое место в этой паутине заговоров и умело им воспользоваться, возможно, у него появится шанс все переиграть.

С колоссальным трудом взобравшись на край длинного стола и потеряв при этом парочку перьев, Цзюнь Жухэн встряхнулся. Раздался тихий шорох, похожий на шелест переворачиваемых страниц.

— Тебе ведь тоже кажется это странным? — неожиданно раздался голос Чу Яо. — Ян Бинжэнь безвыездно живет в столице. Откуда ему знать до мельчайших подробностей о том, что замышляется в землях Янь? Да так точно, что даже планы Чу Яня не укрылись от его взора.

Цзюнь Жухэн вздрогнул от неожиданности и завертел головой, но в каюте они по-прежнему были одни.

Чу Яо по-прежнему стоял спиной к столу.

— Тайна, поведанная третьему, перестает быть тайной. Скажи, Цзян Ли... когда наш наставник успел угодить на крючок принца Яня?

Цзюнь Жухэн затаил дыхание, беззвучно прикинувшись тем самым немимым телохранителем, и приготовился слушать дальше.

— Я помню свои первые уроки, — в голосе принца зазвучала глубокая тоска. — Мальчишкой я был несносным. Из трех ученых мужей Управления делами наследника только наставник Ян осмеливался сурово меня наказывать. Когда я притворился больным, чтобы прогулять занятия, он изломал обо мне три бамбуковые розги. Все для того, чтобы вдолбить мне простую истину: благородный муж твердо держится праведного пути и никогда не опускается до лжи. — Чу Яо горько усмехнулся. — Я этого не забыл. Как же так вышло, что забыл он?

«Кто бы мог подумать, что этот сухарь в детстве тоже умел отлынивать от учебы!»

Представив, как маленького принца потчуют розгами, а тот ревет в три ручья, Цзюнь Жухэн мысленно хмыкнул. Но мимолетная веселость быстро угасла, уступив место щемящей грусти. Предательство человека, которого искренне уважал и считал духовным ориентиром, разрушение идеалов, взлелеянных годами... В такие минуты боль меркнет перед пустотой от рухнувшей веры.

И все же в этой мозаике явно не хватало каких-то деталей. Если Ян Бинжэнь продался принцу Яню, с чего бы ему прибегать с доносом и подстрекать Чу Яо арестовать вражеского наследника? Вряд ли почтенный наставник стал бы сочинять небылицы про мятеж. И если в Цзичжоу принца ждет смертельная ловушка, зачем он приказал гнать корабль во весь опор?

Мысли путались, завязываясь в тугой узел. Но стоило Цзюнь Жухэну попытаться ухватиться

хоть за одну ниточку, как Чу Яо без единого звука рухнул на пол.

Не раздумывая ни секунды, Цзюнь Жухэн спрыгнул со стола и на лету принял человеческий облик.

Чу Яо лежал ничком. Его лицо, лишенное малейших красок, казалось еще более мертвенно-бледным, чем при их первой встрече. Стоило приблизиться к нему, как кожу обожгло свирепым, пробирающим до мозга костей холодом. На бровях принца выступила тонкая изморозь, губы побелели. Цзюнь Жухэн робко коснулся его плеча и тут же отдернул руку.

«С ума сойти, он что, в ледяную глыбу превращается?»

— Эй! Слышишь меня?! — Цзюнь Жухэн принялся лихорадочно трясти его за плечи. — Что делать при приступе этой твоей морозной дряни?! Эй, кто-нибудь! Помогите!..

Ледяная ладонь накрыла его рот. Хриплый, но властный шепот раздался прямо у уха:

— Тихо... Не смей никого звать.

Цзюнь Жухэн сразу все понял: гордый принц ни за что не позволит слугам лицедреть свою слабость. Он послушно кивнул, и рука Чу Яо медленно соскользнула с его лица.

Тяжело дыша, Чу Яо откинул голову назад. Напрягшиеся сухожилия проступили на его бледной шее, а лицо исказила судорога невыносимой боли. Преодолевая слабость, он запустил руку за пазуху, извлек оттуда нефритовую плашку и с силой вложил ее в ладонь Цзюнь Жухэна.

— На корме привязана бамбуковая лодка... — прошептал Чу Яо. — Возьми этот жетон. С ним береговая стража тебя не тронет.

Цзюнь Жухэн ошеломленно воззрился на нефрит в своих пальцах:

— Ты... отпускаешь меня?

— Мой недуг смертелен, — выдавил принц через силу. — Если Чу Янь прознает о приступе, тебя тут же пустят под нож. Им нужна твоя кровь, чтобы продлить мне жизнь и выиграть время для своих грязных игр. Уходи. Другого шанса не будет.

Цзюнь Жухэн застыл, а затем выпалил:

— Но если я уйду, ты же умрешь!

Едва эти слова сорвались с губ, в каюте повисла мертвая тишина.

В голове Цзюнь Жухэна пронзительно завыл сигнал тревоги: «Угроза выхода из роли!» Главное божество могло сколько угодно прикидываться мертвым, но его системные ищайки работали без перебоев.

В застывшем, тусклом взгляде Чу Яо промелькнуло нечто неуловимое, будто легкая рябь на воде, которая тут же исчезла без следа.

Сверху, на палубе, раздался тяжелый, ритмичный стук подкованных железом сапог.

С трудом дотянувшись до панели на стене, Чу Яо толкнул потайную дверь:

— Беги.

Цзюнь Жухэн стиснул зубы и, сжав нефрит в кулаке, бросился к выходу. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как ему в спину полетел тихий, почти невесомый голос Чу Яо:

— Глупый малыш... Пообещай, что больше никогда не станешь спасать незнакомцев. Разве не из-за своей глупой доброты ты оказался в этой клетке, протянув когда-то руку тому, кого спасать не следовало?

Эта брошенная вскользь фраза заставила Цзюнь Жухэна замереть как вкопанного. В глубине его сознания что-то щелкнуло, и перед глазами яркой вспышкой пронеслось воспоминание прежнего владельца тела.

Духовных птиц истребляли на протяжении века, они люто ненавидели людей и держались от них как можно дальше. Но пичуга, в тело которой угодил Цзюнь Жухэн, отличалась редким упрямством и поразительной наивностью. Он мирно жил в глухих горах, радуясь солнцу и чистым ручьям, пока однажды не наткнулся на раненого заклинателя у обочины дороги. Решив помочь бедолаге, глупый птенец угодил прямоком в силки, расставленные солдатами принца Яня.

Если рассуждать логически...

Жестокие гонения на духовный мир со стороны людей Великой Инь за сто лет изрядно поутихли. Нынешний император Вуле относился к поискам бессмертия прохладно, без фанатизма. Единственным, кто спал и видел, как подчинить себе духовные силы, оставался принц Янь.

«Если принц Янь взойдет на трон, духовному миру конец. Значит, чтобы спасти выживших собратьев, нужно в первую очередь уничтожить принца Яня».

Закон контрапозиции в действии. Железная логика, не подкопаешься.

Вой в голове мгновенно утих. Цзюнь Жухэн обернулся и увидел, как Чу Яо слабо, из последних сил, пытается улыбнуться. Свирепый яд лишил его возможности даже пошевелиться, поэтому вместо улыбки вышла лишь едва заметная, горькая тень у угла губ.

И эта слабая попытка подбодрить его угодила Цзюнь Жухэну в самое сердце.

Из двух зол выбирают меньшее. Отбросив сомнения, он круто развернулся и бросился назад к принцу.

— Зачем ты... — прохрипел Чу Яо.

— Молчи, — оборвал его Цзюнь Жухэн.

Схватив со стола острый нож для колки фруктов, он без малейших колебаний полоснул себя по ладони. Из пореза толчками заструилась алая кровь.

— Твой род виновен передо мной, но лично ты — нет. Ты подарил мне свободу, и теперь мы квиты.

Он прижал свою окровавленную руку к ладони Чу Яо. Их пальцы переплелись. Тотчас жгучий холод хлынул по его венам, устремляясь вверх к сердцу и парализуя меридиан за меридианом. Цзюнь Жухэну показалось, будто он схватился за вековечный ледник. Сначала тело забила неистовая дрожь, но вскоре наступило онемение — он перестал чувствовать собственные руки и ноги.

Духовное тело птицы оказалось совершенно беззащитным перед таким морозом. В глазах начало стремительно темнеть.

Сознание угасало. Цзюнь Жухэну грезилось, будто его заживо замуровали в ледяном склепе, где стужа вымораживала саму душу. Самое жуткое — как бы он ни пытался расшевелить свою духовную силу, она не только не согревала, но и сама увязала в этой ледяной трясине, стремительно замедляя свой ход.

И все же он не разомкнул пальцев.

Вдруг чужие пальцы с силой раздвинули его ладонь, крепко переплетаясь с его собственными. В то же мгновение по телу Цзюнь Жухэна разлилась спасительная теплая волна, возвращая к жизни замерзающую душу.

С трудом разомкнув веки, он увидел перед собой пришедшего в себя Чу Яо. Принц все еще был

бледен, но эта мертвенная белизна лишь подчеркивала его изящные, почти порочные черты. Тонкая полуулыбка кривила его губы, делая его похожим на опасного духа, вышедшего на охоту под покровом ночи.

Цзюнь Жухэн мысленно выругался на свою глупость: надо же было так замерзнуть, чтобы благородного, чистого душой принца сравнить с нечистью!

Теплая ладонь мягко опустилась на его лицо, закрывая глаза. И тут же у самого уха раздался бархатистый, пугающе вкрадчивый шепот:

— Душа едва держится в теле, а ты еще пытаешься кого-то лечить... Жизнь недорого, глупыш?

Уши Цзюнь Жухэна обдало жаром, но непреодолимая слабость уже брала свое. Утыкаясь лицом в чью-то шею и вдыхая тонкий, терпкий аромат целебных трав, он бессильно уронил голову и окончательно лишился чувств.

Когда в каюту поспешно вошел Чу Янь, привлеченный шумом, Цзюнь Жухэн от крайнего истощения уже вернулся в свое истинное обличие. Маленький воробышек спал без задних ног, уютно устроившись на груди у Чу Яо и спрятав крошечные алые лапки в пушистых перьях.

При виде этой картины в глазах Чу Яня на мгновение вспыхнула жгучая, плохо скрываемая зависть.

— До меня дошли слухи, будто у Вашего Высочества вновь случился приступ хлада... — начал было он.

Лицо Чу Яо не выразило абсолютно ничего. Он лишь ласково погладил спящую птицу по мягкой спинке и, медленно поднеся палец к губам, негромко произнес:

— Тсс.

— Пустые толки, — принц опустил голову, и его густые ресницы отбросили длинные тени на бледные скулы. — Мой маленький пленник просто вздумал сбежать и наделал шуму. Но теперь все улажено. Думаю, в ближайшее время он больше не посмеет покинуть меня.